

должно вести къ безразличному уравниванію всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, такъ какъ далеко не всякое вѣроисповѣданіе, оставляя возможность спасенія, открываетъ путь къ полнотѣ блаженства.

Каждый вѣрующій христіанинъ не можетъ не желать «соединенія вѣры», дабы мы всѣ едиными усты и единымъ сердцемъ могли славить и воспѣвать пречестное и великолѣпное Имя Господне. Въ особенности нынѣ, предъ грозящей всему христіанскому міру опасностью со стороны безбожія и невѣрія, важно единеніе для противодѣйствія злобѣ антихристовой. Отсюда вытекаетъ задача труда надъ сближеніями вѣроисповѣданій, не только подчеркиванія различій, но и нахожденіе точекъ сродства. Едина вѣра, крещеніе, Единъ Богъ и Отецъ всѣхъ. И вотъ уже Крещеніе есть Таинство, признаваемое всѣми исповѣданіями и не повторяемое при присоединеніи.

«Съ новою свѣжестью и плѣнительностью встаетъ предъ нами», вѣщаетъ

намъ, какъ бы изъ потусторонняго міра, Князь Г. Н. Трубецкой (Крас. Россія и Св. Русь), старый вопросъ о соединеніи Церквей, къ которому зоветъ и нудитъ насъ грозный историческій часъ, надвигающійся для всего христіанства. Уже и католичество становится не то, какъ и Православіе. Родится новое ощущеніе Вселенской Церкви».

Эти строки рельефно отражаютъ духъ современности. Требованіе современнаго момента таково, чтобы, съ любовью знакомясь съ особенностями каждаго вѣроисповѣданія, выясняя происшедшія отклоненія отъ истины, вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчать пути къ согласованію и сближенію въ духѣ мира и взаимнаго уваженія, въ духѣ Вселенской Истины Православія. Но прежде надо угасить раздоры и нестроенія въ середѣ своей Православной Церкви. О если бы человечество, вѣрующее во Христа, соединилось въ едино Христово Стадо! Этимъ разрѣшился бы вопросъ о спасеніи всѣхъ христіанъ. Буди, буди!

Протоіерей Александръ Калашниковъ.

Этюды о русской культурѣ.

Этюдъ V.

Н. Федоровъ и преп. Серафимъ Саровскій.

Повседневный опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что всѣ люди умираютъ. Однако, жизнь этихъ повседневныхъ людей проходитъ такъ, какъ будто бы они были твердо убѣждены въ своемъ безсмертіи. Странно!.. Обыденное міросозерцаніе обыденныхъ людей—плоскій, сѣренькій позитивизмъ, превратилъ таинство смерти въ такую же обыденщину, какъ купля, продажа, завтраки, обѣды, ужины... Въ теоріи господствуетъ то, что можно было бы назвать удачнымъ терминомъ «смертობожни-

«Τι οὐν ἡ φιλοσοφία, τὸ τιμώτατον*» (Плотинъ)

чества», — на практикѣ каждый твердо убѣжденъ, что умереть только его сосѣдь и ближній, самъ же онъ во вѣки будетъ тянуть свою скорбную или пошлую вольнику жизни. Ужасно то чувство самодовольства, съ которымъ живые присутствуютъ при смерти или провожаютъ мертвцовъ: самые лучшіе и благородные не могутъ избавиться отъ глухого въ подсозна-

*) «Что же такое философія? — самое цѣнное».

ни раздающагося голоса: « какъ хорошо, что онъ, а не я; какой молодецъ, — живъ и здоровъ ».

А между тѣмъ, если и можно съ несомнѣнностью назвать по имени жало смерти и указать на него, такъ это именно и будетъ тотъ отрывъ отъ «общаго дѣла жизни», который приводитъ къ гибели оторвавшихся и къ ихъ безлюбовному самостоятельному лже-бытію. Умираютъ именно потому, что говорятъ: « какъ хорошо, что онъ, а не я ». Такое выраженіе, такое самочувствіе и есть смерть того, къ кому оно пририлось. Тайна соборнаго бытія жизни заключается въ томъ, что жизнь каждаго находится въ рукъ каждаго. Господь говоритъ объ этомъ въ загадочной притчѣ о домоправителѣ неправедномъ: « Приобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители » (Лук. 16, 9). Суть въ томъ, что каждый можетъ быть для своего ближняго такой вѣчной обителью во взаимности любви во Христѣ и каждый можетъ изгнать и толкнуть другого на страшную дорогу, ведущую къ обрыву смертной пропасти. « Всякъ ненавидя свой братъ человѣкоубійца есть ». Но равнодушіе есть самая жесткая форма ненависти, личина которую надѣваетъ на себя лицемѣріе.

Идея человѣка вѣчна и укоренена въ свѣтѣ неприступномъ Божественной Премудрости. Она присутствуетъ съ человѣчествомъ Христа Бога на престолѣ Бога Отца. Но эмпирической человѣкъ есть сущность текучая, становящаяся, она не столько въ бытіи, сколько въ становленіи. Ея бытіе вѣчно и бессмертно, ея становленіе временно, смертно и преходяще. Отсюда и двойственность, противорѣчивое осознаніе человѣкомъ одновременно своей смерти и своего бессмертія. Но отсюда также и страшное противорѣчіе въ осознаніи всѣмъ человѣчествомъ текучести его че-

ловѣческаго облика. На одномъ полюсѣ — звѣрь « обезьяна » (бываетъ и похуже), на другомъ — Богочеловѣкъ. Не только отдѣльные люди умираютъ, умираетъ и погасаетъ временами человѣческой типъ, отрываясь въ своемъ зломъ бореніи и зломъ дѣланіи отъ прототипа, отъ образа Божія, « Приложихся къ скотомъ несмысленнымъ и уподобихся имъ ». Но въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, — праведниковъ и мудрецовъ опять воскресаетъ человѣческой образъ въ человѣчествѣ, и сіяетъ своей богоначертанной красотой. Величайшій праведникъ и величайшій мудрецъ — Господь Иисусъ Христосъ — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Воскреситель растлѣннаго и павшаго « горѣ скота » человѣческаго образа. Въ Человѣкѣ Иисусѣ воскрешено человѣчество. Но отдѣльные люди продолжаютъ свое раздробленное лжебытіе и умираютъ. Смерть людей послѣ воскресенія Христова представляетъ одинъ изъ величайшихъ соблазновъ, о который спотыкается человѣчество вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Въ этомъ же родѣ соблазномъ является и злая, порочная жизнь христіанъ, принимающихъ благодать таинствъ.

Что же это такое? — Или воскресеніе Христово бессильно, или благодать таинствъ недѣйствительна? Или не было никогда и не будетъ ни Воскресенія, ни благодати и все это пустая мечта и фантазія?

Обычнымъ отвѣтомъ на такой вопросъ является то, что общее воскресеніе приурочено къ страшному суду, когда и раскроется сила Христова Воскресенія и дѣйственность благодати таинствъ. Конечно, это такъ. Но можно ли успокоиться на такомъ отвѣтѣ? Вѣдь страшный судъ связанъ съ неопикуемой по своимъ ужасамъ агоніей міра и вѣчной гибелью многихъ. Пришествіе Христово для каждаго христіанина сладостное и желательно, какъ

встрѣча возлюбленныхъ, здѣсь превращается въ тѣру и смертный ужасъ. Такъ ли это должно быть? Вѣдь совершенная любовь изгоняетъ всякій страхъ, и если наступаетъ «день лютей» (dies irae), то значить не было совершенной любви. А такъ какъ любовь познается по дѣламъ, то значить и не было дѣлъ любви. Гл. 25 Евангелія отъ Матѳея, раскрывающая тайну страшнаго суда, говоритъ объ этомъ совершенно опредѣленно и не двусмысленно. Нѣтъ христіанства внѣ идеи свободы.

Страшный судъ потому будетъ, что его могло бы не быть.

Священная логика любви и благодать Божія приводятъ насъ къ той мысли, что и страшный судъ и предшествующая ему эсхатологическая катастрофа («Апокалипсисъ») имѣютъ конвенціональное, условное значеніе. Идея конвенціональности, условности, проходитъ лейтмотивомъ черезъ всю Библию. Здѣсь мы упомянемъ наиболѣе яркіе примѣры. Второзаконіе въ 28 главѣ являетъ одновременно путь благословенія и путь проклятія, путь спасенія и путь гибели. Въ книгѣ пророка Іоны въ 3-й главѣ насъ потрясаетъ и умиляетъ всенародно - соборное покаяніе Ninevites и отмѣна Господомъ наложеннаго на нихъ прещенія. Пророкъ, вдохновленный Духомъ Божиимъ, ходилъ по городу и восклицалъ: «Еще сорокъ дней и — Ninenia будетъ разрушена» (Іона 3,4). И покаяніе отмѣнило Божественный приговоръ — ибо Богъ есть Богъ милостивый «кайся о злобахъ человѣческихъ».

Совершенно то же самое можно сказать и о конвенціональности смерти, которая вѣдь и связана внѣвременнымъ и сверхвременнымъ образомъ со страшнымъ судомъ и Апокалипсисомъ:

Смерть потому существуетъ, что ея могло бы не быть.

Конвенціональный характеръ смерти со-

вершенно опредѣленно раскрытъ во 2-й и 3-ей главахъ книги Бытія.

Разъ конвенціональный характеръ смерти и эсхатологической катастрофы доказанъ, отсюда съ необходимостью слѣдуетъ и другой выводъ: человѣкъ есть по замыслу Божию о немъ, существо активное, призванное къ сотрудничеству, сотворчеству со своимъ Творцомъ и, даже, къ преодолѣнію своей тварности. Основное качество тварнаго совершенства есть безсмертіе и, неразрывно съ нимъ связанная, вѣчная слава. Два великихъ, не обинуясь скажемъ, два величайшихъ русскихъ человѣка, говорили, — одинъ о человѣческой активности въ дѣлѣ стяжанія вѣчной славы, а другой — о человѣческой активности въ дѣлѣ безсмертія. Эти люди — преподобный Серафимъ Саровскій и гениальный мыслитель Николай Федоровичъ Федоровъ.

Преподобный Серафимъ Саровскій — пророкъ вѣчной славы человѣка въ Духѣ Святомъ, пророкъ Фаворскаго свѣта.

Николай Федоровичъ Федоровъ — пророкъ безсмертія и воскресенія, пророкъ соборнаго общаго дѣла, въ самомъ важномъ для человѣчества — въ борьбѣ со смертью.

Этими двумя честными главами увѣнчанъ храмъ русской культуры.

Какъ странно, какъ чудесно, какъ отрадно, что въ XIX вѣкѣ прогремѣло благовѣстіе о Воскресеніи Христовомъ! И въ такихъ неслыханно прекрасныхъ и мощныхъ формахъ, какъ явленіе преп. Серафима Саровскаго и Николая Федоровича Федорова — тоже несомнѣнно святого и праведника, во всякомъ случаѣ, — при наличіи сверхъ того философскаго генія.

Тотъ самый XIX вѣкъ, который такъ яростно ополчился противъ чудеснаго и, прежде всего, противъ чуда всѣхъ чудесъ — Воскресенія Христова — онъ же выдвинулъ и двухъ апостоловъ этой основы

евангельскаго благовѣстія. Явленія этихъ двухъ свѣтилъ есть несомнѣнно одно изъ исполненій обѣтованія Христова: «Не оставлю васъ сирыми, прииду къ вамъ» (Іоан. 14,18); и другое Его слово: «Вотъ я посылаю къ вамъ пророковъ и мудрыхъ и книжниковъ (Матѳ. 23,24) — несомнѣнно относится сюда же.

Господь прежде Своего дня «Великаго и страшнаго» посѣщаетъ народъ Свой, являя ему святыхъ, мудрецовъ и праведниковъ. Но само явленіе этихъ лицъ есть уже какъ бы прелюдія архангельскихъ трубъ послѣдняго дня. Таковы свойства русской культуры — она наполовину объята огнемъ (парусія (второго пришествія), огнемъ Боговѣдѣнія, бѣлымъ огнемъ ревности Божіей, въ ней горитъ ревность Іліи Оесвитянина, духъ пророка Божія въ огнѣ Вознесшагося на небо.

Раскрывается сущность русской культуры, какъ эсхатологическаго благовѣстія о сущности человѣка и его дѣла на землѣ. Въ ХУШ вѣкѣ выступаетъ гениальный Державинъ съ откровеніемъ о человѣкѣ:

Я связь міровъ повсюду сушихъ,
Я крайня степень вещества
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества
Я тѣломъ въ прахъ истлѣваю
Умомъ промамъ повелѣваю
Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ.

Державинъ. Ода. «Богъ».

Трудно повѣрить, чтобы изъ человѣческой груди могъ вырваться такой громъ. Внимая ему, невольно повторяешь слова Іова многострадальнаго:

«О, если-бъ записаны были слова мои. Если бы начертаны были они въ книгѣ рѣзцомъ желѣзнымъ съ оловомъ на вѣчное время на камнѣ вырѣзаны были (Іов. 19, 23-24).

Такой книгой является многострадальная исторія Россіи съ ея трагическими контрастами праха и ума, царя и раба,

червя и Бога. Другими словами, исторія Россіи — новаго Израиля, есть одна изъ гениальнѣйшихъ главъ міровой поэмы о человѣкѣ. Но истинная и подлинная сущность человѣческой гениальности какъ разъ и заключается въ томъ, что поэма должна стать дѣйствительностью. Это и значитъ, что мы подходимъ къ темъ преп. Серафима Саровскаго и Н. Федорова.

О «чертѣ начальной Божества», о «славлѣ духовности проповѣдуетъ намъ дѣломъ своей святости преп. Серафимъ Саровскій. О «повелѣваніи умомъ громамъ» пророчествуетъ Н. Ф. Федоровъ. И тутъ и тамъ раскрытіе правды о единомъ Царствіи Божіемъ и царствѣ человѣка въ богочеловѣческой истинѣ. Но XIX раскрылъ и изоблачилъ въ человѣкѣ безбожнаго червя и бунтующаго раба — въ ужасахъ соціальной драмы, соціальной неправды, соціального расслоенія. Въ вышеприведенной строфѣ Державина не только прославленіе человѣка, но и слово о той безднѣ, которая раскрылась передъ нимъ какъ путь ниспаденія отъ Бога къ царю и отъ раба къ червю. «Червь» — вѣдь это не риторическое украшеніе и не страшное слово, а самая ужасная правда, ибо нѣтъ дна въ пропасти расчеловѣченія, угрожающей человѣку — если онъ остановится на пути своего восхожденія къ богочеловѣческому идеалу и соучастія въ дѣлѣ Божественнаго творчества.

Давно уже лучшіе въ человѣчествѣ скорбятъ о язвахъ Церкви. Но никогда, кажется, эти язвы не были такъ страшны, какъ въ новую эпоху, когда образъ Божій въ человѣкѣ исказился страшной печатью капиталистическаго рабства при попустительствѣ и даже одобреніи эмпирической церкви въ лицѣ ея представителей — отъ мірянъ и до епископовъ. За это дурные христіане были наказаны ростомъ безбожнаго социализма и коммунизма, которые во имя дьявола стали осуществлять

то, что христіане не захотѣли осуществлѣть во имя Бога. Не менѣе страшнымъ былъ отрывъ христіанства отъ науки и техники, какъ отъ чего то грязнаго, ничтожнаго, или въ лучшемъ случаѣ, — только терпимаго. Преступная апатія и холодъ поселились въ сердцахъ представителей церковнаго народа, и снова сказался роковой законъ природы духовной, которая такъ же какъ и тѣлесная, не терпитъ пустоты. Наука и техника направились на дѣло обслуживания маммоны и безбожія. И если древняя дохристіанская наука и техника цѣликомъ вышли изъ устремленнаго въ свѣтъ безконечности духа жрецовъ, то служители христіанскаго культа, къ величайшему позору и ужасу для человѣчества, стали въ большинствѣ случаевъ носителями идеологіи ограниченности и тьмы. Ужасны эти двѣ язвы, но третья еще ужаснѣе — это миръ, который былъ заключенъ христіанскимъ человѣчествомъ съ страданіемъ и смертью, какъ съ чѣмъ то такимъ, чему дѣйствительно быть надлежитъ — искажая истинный смыслъ словъ Христовыхъ, согласно которымъ «надлежитъ всему этому быть» именно вслѣдствіе негодности человѣка.

Разговаривая какъ то съ Н. Федоровымъ, Л. Толстой взялъ въ руки черепъ и сказалъ, усмѣхнувшись: «Люблю я эту курноску»). А въ разговорѣ съ Н. П. Петерсономъ въ апрѣлѣ 1899 года, Л. Толстой выразился такъ: «Вотъ, я стою одною ногою въ гробу и все-таки скажу, что смерть — вещь недурная»**).

Эти слова Л. Толстого несомнѣнно являются однимъ изъ самыхъ яркихъ выражений того внутренняго богопротивнаго мира со смертью, который отравляетъ и ис-

кажаетъ какъ эмпирическое церковное сознание, такъ и вполне секуляризованную безбожную культуру. Враждебное отношеніе Л. Толстого къ наукѣ, искусству и, что особенно замѣчательно, къ медицинѣ, несомнѣнно коренится въ этой своеобразной страшной религіи смертобожничества. Здѣсь основной корень обскурантизма. Это и вызвало необычайное противленіе Н. Ф. Федорова системѣ философско - богословскихъ и исторіософскихъ идей Л. Н. Толстого. Вотъ какъ передаетъ А. К. Горностаевъ одинъ изъ эпизодовъ этой священной войны Н. Ф. Федорова съ системой идей Л. Н. Толстого.

«Мало ли глупостей написано; слѣдовало бы все сжечь», вырвалось у Толстого при взглядѣ на безконечныя книжныя полки.

Федоровъ вспыхнулъ: книга была для него святыней, надгробнымъ памятникомъ, отпечаткомъ жизни умершаго автора, который долженъ быть со временемъ возстановленъ, воскрешенъ и воссозданъ весь по этому блѣдному отпечатку. «Много я видѣлъ на своемъ вѣку глупцовъ, а такого еще не видалъ», — отвѣчалъ онъ на реплику Толстого и гнѣвался на него нѣсколько дней. Тотъ сконфуженно извинялся и просилъ прощенія*).

Надо замѣтить, что Л. Н. Толстой, основнымъ свойствомъ котораго была совершенно неслышанная гордость, встрѣтился таки съ человѣкомъ, передъ которымъ онъ почувствовалъ свою несостоятельность и слабость — и внутренне, такъ же, какъ, впрочемъ, и внѣшне, вынужденъ былъ склониться передъ нимъ. Этимъ человѣкомъ былъ Н. Федоровъ.

Вся эта борьба друзей - враговъ есть вообще трагическій символъ не только русской культуры, но и основного боренія, происходящаго въ умѣ и въ сердцахъ

*) А. К. Горностаевъ. «Передъ лицомъ смерти». 1928, стр. 8.

***) А. К. Горностаевъ, тамъ-же.

*) А. К. Горностаевъ, цит. соч. стр. 7.

всего человѣчества. Это «преніе живота со смертью» можетъ быть названо вообще основнымъ лейтмотивомъ исторіи человѣческаго рода, основной вѣдущей темой культуры и отъ его разрѣшенія зависятъ вѣчныя судьбы человѣчества. Сюда и направилъ свой орлиный взоръ Н. Ф. Федоровъ. Онъ сталъ рѣшительно и безповоротно на сторону жизни противъ смерти, поднимая знамя Воскресенія Христова и памятуя Его слова: «Дѣла, яже Азъ творю и вы сотворите, и больше сихъ сотворите». Всѣ силы человѣческаго ума и чувства, науки, искусства, религіи, техники, — мобилизовалъ этотъ удивительный православный энциклопедистъ на борьбу съ

«курноской». Въ этомъ его исключительное значеніе, не только для Россіи, но и для всего міра.

Всѣмъ извѣстно, что преп. Серафимъ Саровскій круглый годъ христосовался, съ приходившими къ нему благоговѣйными посѣтителями. Федоровъ увидѣлъ въ этомъ не простое религиозное приличіе, но поистинѣ новое слово и новую установку духовной жизни. Вотъ гдѣ источникъ того безграничнаго благоговѣнія и любви, которое вызывалъ этотъ святой у великаго мыслителя.

В. Н. Ильинъ

Іюнь, 1931 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Большой городъ. *)

Послѣднія десятилѣтія нашего времени отмѣнены однимъ очень своеобразнымъ и исключительнымъ въ исторіи явленіемъ — усиленнымъ развитіемъ большихъ городовъ. Это быстрое развитіе крупныхъ городскихъ центровъ въ настоящее время настолько общеизвѣстно и очевидно, что нѣтъ даже надобности приводить подробныя статистическія цифры. Можно лишь указать, что въ Германіи 50 лѣтъ тому назадъ насчитывалось 6 городовъ, имѣющихъ больше 100.000 жителей, теперь же ихъ больше 50. Этотъ же самый фактъ наблюдается во многихъ другихъ странахъ, не говоря, конечно, объ Англіи и Америкѣ. Исключеніе какъ-будто составляетъ Франція, въ которой развитіе Парижа поглощаетъ всѣ близъ лежащіе города и мѣшаетъ развитію другихъ большихъ центровъ. Почти вся страна являет-

ся какимъ то югромайшимъ пригородомъ Парижа.

Своеобразіе этого явленія заключается не только въ ростѣ городовъ съ многочисленнымъ населеніемъ, т. к. исторія и раньше знала большіе города. Главнымъ признакомъ современнаго большого города, кромѣ человѣческой массы, является капиталъ. Только тамъ большой городъ, гдѣ имѣются на лицо эти признаки; тамъ, гдѣ отсутствуетъ хотя бы одинъ признакъ, тамъ еще нѣтъ большого города. Это особенно ясно на примѣрѣ Рима. Несмотря на великое историческое прошлое, несмотря на то, что онъ и до настоящаго времени является религиознымъ центромъ для всей западной Европы, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ служить примѣромъ большого города. Только въ наше время, на нашихъ глазахъ онъ обнаруживаетъ тенденцію къ такому превращенію въ большой городъ**).

*) Извлеченіе изъ доклада «Проблема религиознаго воспитанія въ современныхъ большихъ городахъ», читаннаго въ Религиозно - Педагогическомъ Кабинетѣ.

**) Въ нѣмецкой литературѣ очень отчетливо выступаетъ разница между боль-